

— Бунин обычно сидел в этом самом кресле, в котором сейчас сидите вы. Мы пили чай и говорили о литературе. Его возмущало то, что я пишу на французском, вместо того чтобы пользоваться родным русским языком. Когда он сердился (а это с ним случалось частенько), то стучал по полу тростью и громко кричал...

Я в гостях у французской писательницы Ум-эль-Банин. Она родом из Азербайджана, родилась в Баку в 1905 году в семье крупного промышленника, который в двадцатые годы эмигрировал во Францию. Банин — автор девяти книг, в том числе и «Кавказские дни», в которой она с симпатией рассказывает о годах революции в Азербайджане.

Вот уже 50 лет Ум-эль-Банин живет в небольшой комнате в доме на улице Ларистон в 16-м округе Парижа. На стенах комнаты, выкрашенной в розовый цвет, висит несколько любительских картин и прикреплена одна-единственная полка с

ГОЛОС
МИНУЩЕГО

Ум-эль-Банин говорит, что писатель, подобно большинству русских, оказавшихся в эмиграции, тосковал по Родине и всю жизнь оставался сугубо русским человеком. Она показывает мне фотографию и две книги. На снимке запечатлен Иван Алексеевич в шляпе, пальто, белой рубашке и галстуке. На обороте бунинской рукой написано: «Позвольте, Джанум, сказать Вам словами Карла Ивановича из «Детства» Толстого: «Помните близко, помните далеко, помните еще и до всегда. Как верен я люблю имею!» И подпись: «Ив. Б. 18 августа 1946 года. Па-

риж». Первая из книг — рассказы Бунина «Речной трактир», изданные на русском языке в Нью-Йорке в 1945 году (обложка и рисунки М. Дубужинского). Две дарственные надписи. Одна по-французски: «Мадам Банин от ее покорного слуги Бунина. 15.VI.46. Париж». Вторая — по-русски: «У одного человека сердце ушло из рук, и он сказал ему «Прощай!» — слова Саади о человеке, плененном любовью».

Другая книга — «Избранные стихи» Бунина (издательство «Современные записки», 1929). Посвящение гласит: «Дорогая г-жа Банин! Черная роза небесных садов Аллаха, учитесь писать по-русски. Иван Бунин, 21 июня 1947 года» (слово «госпожа» зачеркнуто. Далее написано: «Это я зачеркнул. Ив. Б.»). Ум-эль-Банин хранит около 30 писем, адресованных ей писателем.

— Когда впервые Иван Алексеевич пришел ко мне в эту квартиру, он жил тоже

да, но и прямо на эстраде. Ивана Алексеевича встретили громом аплодисментов. Величественность, снежная белизна волос, элегантность придавали ему, по словам Банин, неотразимое обаяние. Его голос увлекал слушателей. Публика была главным образом русская и зал взрывался аплодисментами при каждой паузе. Бунин читал безукоризненно — не слишком быстро и не слишком медленно. У него была отличная дикция, он никогда не впадал в напыщенность, читал так же сдержанно, как писал. Вечер закончился триумфом и овациями.

— Нас с Иваном Алексеевичем объединяла любовь к Льву Толстому, — говорит Ум-эль-Банин. — В юности он считал себя его учеником. Бунин говорил о том, что, как только слышал имя Толстого, его душа воспламенялась. Ему сразу хотелось писать. Он снова верил в литературу. На столике у изголовья умирающего Бунина лежал томик Толстого. Он перечитывал «Войну и мир» 50 раз. Мы всегда говорили о Льве Николаевиче с великой любовью за радости, которые он нам доставил...

Когда Ум-эль-Банин познакомилась с Буниным, ему жилось нелегко. Его хулители утверждали, что писатель якобы чрезвычайно скуп. Но он умел быть щедрым. Когда он получил Нобелевскую премию, то часть ее раздал живущим во Франции соотечественникам. По свидетельству моей собеседницы, Иван Алексеевич получил за короткое время две тысячи писем с просьбой о деньгах. Пять тысяч франков (а это по тем временам большая сумма) он послал Куприну. «Ты не можешь себе представить, — ответил автор «Поединка», — в момент какой жестокой и мрачной нужды прибыли твои чудодейственные пять тысяч франков, как кстади подоспела твоя братская помощь».

Два года спустя, рассказывает Ум-эль-Банин, Иван Алексеевич оказался в крайней нужде. В письме к писателю Андрею Седых (Якову Цвибаку), говорит она, Бунин жаловался на болезни и бесполезное лечение эмфиземы. Ему исполнилось 78 лет, и он был так беден, что совершенно не знал, как будет существовать дальше. Просил Седых помочь. В январе 1951 года он вновь писал Седых, благодарил за присланные ему 50 франков, снова жаловался на нужду, болезни...

Бунин скончался в ночь на 8 ноября 1953 года в своей небольшой парижской квартире. Его похоронили на русском кладбище в Сен Женеьев-де-Буа, в 25 километрах к югу от Парижа.

Юрий КОВАЛЕНКО,
соб. корр. «Известий».

ПАРИЖ.

ТАКИМ Я ЗАПОМНИЛА БУНИНА

книгами. Бунин без малейшего акцента говорит по-русски, характер у нее веселый, и, рассказывая о своих встречах с Иваном Алексеевичем Буниным, она часто смеется.

— Я познакомилась с Буниным у известной писательницы-сатирика Тэффи, которая снимала комнату на соседней улице, — вспоминает Ум-эль-Банин. — В комнате, загроможденной мебелью, картинами и книгами, царил невообразимый хаос. Повсюду стояли, висели, лежали фотографии. Одна из них, с посвящением, заинтересовала меня: на ней был снят художавый элегантный господин. Он стоял перед окном и смотрел в сторону с мечтательным видом. «Кто это? Писатель?» — заинтересовалась я у Тэффи. «Как, вы не знаете? — воскликнула она. — Посмотрите на надпись, это же наш великий Иван Алексеевич Бунин!»

Наша встреча с Буниным произошла сорок лет назад — 13 июня 1946 года, — продолжает Ум-эль-Банин. — Иван Алексеевич держался исключительно прямо, не смотря на то, что ему уже исполнилось 75 лет. Был очень красив, статен и элегантен, у него были прекрасные седые волосы. Он казался царственно величав, выражение лица у него часто было надменное. Надменность Бунин надевал, как тогу, чтобы показать дистанцию, отделяющую гения от простых смертных. Но стоило ему немного разойтись, а этому в немалой степени способствовал его темперамент, как тога спадала. Должна признаться, что мне нравилась его надменность. Она напомнила мне мою первую литературную любовь — князя Андрея Болконского. Кроме того, я была очарована его воспитательной молодостью духа.

● Ум-эль-Банин.

в 16-м округе, в доме № 1 по улице Жака Оффенбаха, — продолжает Ум-эль-Банин. — Я попросила его рассказать о том, как он узнал о присуждении ему Нобелевской премии.

«Нобелевская премия, — мечтательно сказал писатель, — Нобелевская премия». И вдруг, переключившись на другой сюжет: «Знаете ли вы, что такое счастье? Ему дается разное определение, и все говорят разное. Мы можем только предчувствовать его, схватить его невозможно, и, когда мы думаем, что держим его в руках, глядишь — оно уже испорчено: то ностальгией, то смертью ближнего. Я жду его всегда. Я всегда жду того письма, которое должно принести мне чудо-счастье. Не смотрите на меня так недоверчиво, я правильно говорю — чудо-счастье. Да, в моем возрасте! Каждое божье утро я кидаюсь к почте, которую консьержка подсовывает мне под дверь, и, когда вижу незнакомый почерк, сердце начинает колотиться. С нетерпением разрываю конверт — в нем, увы, никогда ничего не оказывается... Да, а все-таки полученные премии приблизило меня к счастью, от которого прыгает сердце, но счастье вещь непродолжительная, может быть, потому, что эфемерное существование управляет все».

Ум-эль-Банин рассказала мне о том, как она была приглашена писателем на его чествование в маленький парижский зал Дебюсси. Зал едва вместил всех желающих. Стулья ставили не только в прохо-